

«Клеймо Гуантанамо»

История семерых узников, ставших заложниками российских дипломатических заверений

Краткое содержание	1
Рекомендации	3
Правительству США	3
Правительству России	4
Методология	5
Общие сведения	6
Репатриация: нарушение запрета пыток	8
Дипломатические заверения	9
Риск подвергнуться в России пыткам и недозволенному обращению	11
Возвращение в Россию	15
Нарушения после репатриации	17
Пытки и жестокое обращение	17
Расул Кудаяев	18
Тимур Ишмуратов	23
Равиль Гумаров	25
Притеснения и произвольные задержания	26
Уголовное преследование	30
Заключение	33
Приложение I. Письмо в администрацию США	36
Приложение II. Письмо в Генеральную прокуратуру России	38

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Люди, которых в последнее время освобождают из тюрьмы на американской базе в Гуантанамо, уже подверглись произвольному лишению свободы. Отправляя их в страну гражданской принадлежности, американские власти очевидно признают в итоге, что они не совершали никаких преступлений против Соединенных Штатов, не располагают никакой полезной информацией о терроризме, а их преступные намерения не могут быть убедительно доказаны. Не исключено, что в Вашингтоне просто сочтут, что дальнейшее пребывание того или иного задержанного в Гуантанамо не стоит связанных с этим хлопот.

Для семерых российских граждан освобождение из американской тюрьмы в Гуантанамо в 2004 г. стало началом новых испытаний. Несмотря на данные американской стороне заверения в гуманном обращении, российские власти после возвращения подвергали их различным притеснениям, задержанию, недозволенному обращению и побоям. На момент подготовки настоящего доклада двое подверглись пыткам и отбывали срок после следствия и суда, которые не соответствовали международным процессуальным стандартам; один подвергся пыткам и ожидал суда в предварительном заключении; трое скрывались после постоянных притеснений со стороны российских правоохранительных органов; один – единственный, открыто остававшийся на свободе, отказывался рассказывать о пережитом. История всех семерых служит серьезным свидетельством неэффективности и произвола в российской системе уголовного судопроизводства.

Опыт российских узников Гуантанамо также высвечивает негативные последствия, которыми чревата передача подозреваемых в терроризме в страны, где им могут угрожать пытки.

Жестокость российской уголовной юстиции широко документирована в докладах Хьюман Райтс Вотч и в материалах многих других правозащитных и международных организаций. Пытки и несоблюдение процессуальных гарантий являются укоренившейся практикой на всех этапах судопроизводства – от дознания и предварительного следствия до суда, и во многом обращение с бывшими узниками Гуантанамо не отличалось существенно от того, которому подвергается немалое число российских мусульман, попадающих под каток контртеррористической кампании, или вообще любой человек, имевший несчастье оказаться подозреваемым по уголовному делу в России. Историю семерых российских узников Гуантанамо следует рассматривать в контексте неоднозначных методов, применяемых Россией в так называемой «войне с терроризмом», и с учетом серьезных проблем в системе уголовного судопроизводства. Однако поскольку на всех семерых, по словам одного из них, оказалось «клеймо Гуантанамо», общение с российскими правоохранительными органами было для них особенно мучительным.

На примере России в докладе показывается неэффективность «дипломатических заверений», запрашиваемых американскими властями при передаче задержанных из Гуантанамо странам гражданской принадлежности, во многих из которых наличествует убедительно документированная практика пыток. Как Конвенция ООН против пыток 1984 г., так и внутреннее законодательство США запрещают возвращать любых лиц в ту или иную страну при наличии серьезных оснований предполагать, что им может угрожать там опасность пыток. Соответственно, американская администрация, как и все большее число других правительств, запрашивают у страны назначения заверения о неприменении пыток и недозволенного обращения к передаваемым подозреваемым в терроризме.

Такие заверения запрашивались и были получены от российской стороны в 2004 г. перед репатриацией семерых российских узников Гуантанамо. При этом ни американские, ни российские власти не посчитали возможным предоставить Хьюман Райтс Вотч какую-либо конкретную информацию о содержании договоренности. Обе стороны ограничились лишь самыми общими заявлениями 1 марта 2004 г., когда все семеро были доставлены в московский аэропорт Шереметьево-2.

Бесспорным остается единственное обстоятельство, убедительно документированное в настоящем докладе: в России все семеро подвергались травле и произволу со стороны правоохранительных органов едва ли не постоянно с момента возвращения из Гуантанамо. В итоге почти все они были арестованы или ударились в бег. Некоторые после задержания подвергались обращению, которое может быть квалифицировано как пытки. Очевидно, что каким бы ни было содержание российских заверений в гуманном обращении, российские власти их не соблюдали.

Администрация США трижды несправедливо обошлась с российскими узниками Гуантанамо: первый раз, когда она держала их под стражей без соблюдения процессуальных гарантий, второй – когда в нарушение международных норм репатриировала их в Россию, третий – когда не отслеживала нарушения в обращении с ними со стороны российских властей и не протестовала против этого. В том что касается последнего, основная и непосредственная ответственность ложится, разумеется, на российскую сторону, однако не вызывает сомнения, что ярлык «подозреваемых в терроризме», повешенный на всех семерых американским правительством, сделал их более уязвимыми для недозволенного обращения в России. В этой невеселой истории есть за что спросить и с американского, и с российского правительства.

РЕКОМЕНДАЦИИ

Правительству США

- Немедленно прекратить передачу под дипломатические заверения о неприменении пыток любых лиц, содержащихся под стражей американскими властями, которым в стране назначения может угрожать опасность недозволенного обращения, и настоятельно рекомендовать правительствам других государств последовать этому примеру;
- При принятии решения о передаче любого лица обеспечить полное соблюдение требований внутреннего законодательства и международного права о невозвращении, если имеются серьезные основания предполагать, что возвращаемое лицо может подвергнуться пыткам;
- Обеспечить каждому узнику Гуантанамо, в отношении которого стоит вопрос о репатриации или отправке в третью страну, эффективную возможность обжаловать такое решение в нейтральной инстанции по мотивам вероятности пыток, включая вопрос о надежности дипломатических заверений любого рода;
- Воздерживаться от предложений правительствам других государств заключать бывших узников Гуантанамо под стражу и возбуждать в отношении них уголовное преследование в отсутствие достаточных общедоступных фактов, которые свидетельствовали бы о вероятном совершении тем или иным лицом уголовно-наказуемых деяний;
- Публично и по дипломатическим каналам выражать протест в случае выявления фактов недозволенного обращения с бывшими узниками Гуантанамо;
- Поставить перед правительством России и властями других стран, куда репатрируются бывшие узники Гуантанамо, вопрос о посещении соответствующих государств в форме неограниченного конфиденциального доступа к любым лицам, содержащимся там под стражей, включая бывших узников Гуантанамо, для независимых и пользующихся международным признанием неправительственных или гуманитарных организаций, таких как Международный комитет Красного Креста или тематические механизмы ООН, в частности спецдокладчик по пыткам.

Правительству России

- Прекратить преследование бывших узников Гуантанамо и в кратчайший возможный срок восстановить им все внутренние документы, удостоверяющие личность, включая внутренние паспорта; обеспечить возможность получения загранпаспортов при отсутствии разумных оснований для отказа и возможность обжаловать такой отказ;
- Немедленно прекратить использование дипломатических заверений о неприменении пыток при передаче в Россию или из России любых лиц, которым после такой передачи могут угрожать пытки;
- Провести полное и добросовестное расследование утверждений о пытках и недозволенном обращении в отношении Расула Кудоева, Тимура Ишмуратова и Равиля Гумарова, привлечь всех виновных к ответственности и обнародовать результаты расследования;
- Согласиться на рассмотрение индивидуальных заявлений о пытках органами по мониторингу соблюдения международных договоров, в частности через заявление по статье 22 Конвенции ООН против пыток о признании такого права за Комитетом против пыток, а также через присоединение к Факультативному протоколу к Международному пакту о гражданских и политических правах 1976 г.;
- Согласиться на международный мониторинг обращения в России с любыми лицами, содержащимися под стражей, на условиях универсальности и конфиденциальности, в том числе применительно к бывшим узникам Гуантанамо, для чего:
 - направить постоянные приглашения всем тематическим механизмам ООН, в особенности спецдокладчику по пыткам, обеспечив ему беспрепятственный доступ в соответствии с устоявшейся практикой;
 - присоединиться к Факультативному протоколу к Конвенции ООН против пыток, предусматривающему мониторинг условий содержания под стражей международными и национальными организациями;
 - предоставить доступ к задержанным международным гуманитарным организациям, таким как Международный комитет Красного Креста;
 - предоставить доступ к задержанным авторитетным национальным и международным независимым неправительственным организациям.

МЕТОДОЛОГИЯ

Настоящий доклад основан на материалах интервью Хьюман Райтс Вотч с тремя бывшими узниками Гуантанамо (с одним из них мы кратко встречались лично, с двумя беседовали по телефону). В отдельных случаях место и время интервью не разглашаются в интересах защиты собеседника. Представители Хьюман Райтс Вотч также встречались с несколькими родственниками бывших узников, адвокатами и правозащитниками, ознакомились с официальными материалами судебных дел, записями интервью, проводившихся другими правозащитными организациями, фотографиями и материалами СМИ. Все это позволяет составить документальную картину нарушений, которым подвергались семеро из российских узников Гуантанамо после возвращения в Россию.¹

Один из них – Айрат Вахитов заявил, что согласен на интервью, поскольку считает, что история о пережитом ими после возвращения на родину еще не рассказана.²

¹ Восьмой гражданин России – Равиль Мингазов на момент подготовки настоящего доклада оставался под стражей в Гуантанамо.

² Интервью Хьюман Райтс Вотч, по телефону, 7 сентября 2006 г.

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

Все семеро репатриированных в Россию узников Гуантанамо (Рустам Ахмяров, Равиль Гумаров, Тимур Ишмуратов, Шамиль Хажиев, Расул Кудоев, Руслан Одижев и Айрат Вахитов)³ были задержаны американскими силами на территории Афганистана или Пакистана. При всех различиях между ними – людьми разного возраста и выходцами из разных российских регионов прослеживается определенная общность. Все они являются представителями этнических групп, традиционно исповедующих ислам. Как правило, они не принадлежат к выходцам из привилегированных или обеспеченных семей, хотя по меньшей мере двое успели получить высшее образование и владеют несколькими языками, в том числе арабским.⁴ Несмотря на различную степень набожности, по меньшей мере некоторые из них утверждают, что отправились в Афганистан с религиозной целью: либо для ознакомления с шариатским режимом талибов, либо для изучения ислама.⁵ Несколько человек, по их словам, попали в плен к генералу Дустуму – враждовавшему с талибами лидеру этнических узбеков на севере Афганистана, и были в числе тех, кому удалось остаться в живых после массового убийства заключенных в крепости Кала-и-Джанги в конце 2001 г.

Все они так или иначе попали в руки американцев вскоре после вторжения последних в Афганистан и после перемещения по нескольким изоляторам на территории этой страны в течение 2002 г. оказались в тюрьме на базе в Гуантанамо.

В своих заявлениях для британской правозащитной организации Reprieve, помогающей пострадавшим готовить иски против американских должностных лиц по фактам пыток и недозволенного обращения в Гуантанамо, шестеро из семерых приводят подробности обращения с ними на американских базах в Кундузе, Баграме, а также – более детально - в Кандагаре и Гуантанамо.⁶ В заявлениях неизменно отмечается, что особенной жестокостью отличалось обращение со стороны американских сил в Афганистане, особенно на базе в

³ Имена узников Гуантанамо в различных источниках приводятся по-разному, иногда люди вообще фигурируют под псевдонимом. Так, Расул Кудоев в одном из документов Министерства обороны США значится как Абдулла Кавказ (в английском оригинале – транскрипция «Кафкас»). В настоящем докладе имена используются в их общеупотребительном виде.

⁴ Многие, помимо русского, владеют тем или иным местным языком, таким как татарский.

⁵ Расул Кудоев заявил журналистам, что не поддерживает исламское государство, поскольку своими глазами видел его в Афганистане: «Там все время война». ПЦ «Мемориал», 20 января 2006 г., «Расула Кудоева, арестованного в Кабардино-Балкарии, в пятигорской тюрьме не оказалось», <http://www.kavkaz.memo.ru/newstext/news/id/922021.html>. По меньшей мере трое заявили, что отправились в Таджикистан из-за репрессий против мусульман в России. В Таджикистане, по их словам, они были захвачены боевиками Исламского движения Узбекистана и переправлены в Афганистан, где впоследствии оказались в тюрьме.

⁶ Седьмой – Руслан Одижев не давал показаний британским правозащитникам, поскольку вскоре после возвращения в Россию стал скрываться. Материалы остальных интервью в досье Хьюман Райтс Вотч.

Кандагаре. Речь, в частности, идет о побоях, сознательном причинении сильной боли раненым (например, могли умышленно уронить носилки), принуждении задержанных часами стоять на коленях на гравии с руками за головой, помещении задержанных в неблагоприятные условия (особенно переохлаждение), лишении медицинской помощи (особенно раненых), прыжках с приземлением коленями на затылок задержанного, лишении сна, принуждении задержанных к бегу в кандалах, травле собаками, осквернении Корана и вмешательстве в совершение намаза, а также, по крайней мере на первом этапе, об игнорировании налагаемых исламом ограничений на пищу. Некоторые говорят, что им всю ночь светили в лицо мощными лампами, другие упоминают о жестоких попытках причинения сексуальных унижений.

Все задержанные из числа собеседников Reprieve неизменно отмечают, что самым тяжелым была переправка в Гуантанамо: они находились в самолете больше суток, все это время каждый был туго скован за запястья и лодыжки, причем менять положение не разрешалось, даже опираться на соседа. Задержанные перевозились в масках, затруднявших дыхание, а также в темных очках и с заткнутыми ушами, что вызывало боль в области висков. Пользоваться туалетом не разрешалось.

В Гуантанамо с задержанными обращались по-разному. Никто из шестерых собеседников Reprieve не утверждает, что его избивали, однако все отмечают мощное психологическое давление, включая длительное одиночное содержание, сексуальные унижения со стороны женского персонала, лишение сна и опыление переносным газом, в ряде случаев, возможно, вызывавшее длительные глазные расстройства. Многие утверждают, что их на несколько часов помещали в «холодильник», иногда перед этим «разрешая принять душ», но не позволяя вытираться. Всем делались неизвестные инъекции, после которых некоторые жаловались на серьезное недомогание. Несколько человек отмечали, что неизвестность относительно дальнейшей судьбы и сроков возможного освобождения вызывала у них крайнюю степень дезориентации и отчаяния.⁷

Несмотря на это, на вопрос о сравнении обращения со стороны американских властей и со стороны российских после репатриации Равиль Гумаров заявил Хьюман Райтс Вотч, что, «в конечном счете, русские были хуже».⁸ Соответственно, обращению с бывшими узниками Гуантанамо в России уделяется в настоящем докладе основное внимание.

⁷ Интервью российских узников Гуантанамо следует рассматривать в контексте подготовки иска, однако их заявления вполне соответствуют другим показаниям о незаконном обращении с задержанными в Гуантанамо, собранным Хьюман Райтс Вотч в Афганистане, Пакистане, Иордании, Саудовской Аравии и Великобритании, а также другим сведениям, полученным в ходе совместного проекта Хьюман Райтс Вотч, Human Rights First и Центра прав человека и глобального правосудия Нью-Йоркского университета. См.: Human Rights Watch, Human Rights First, NYU CHRGJ, “*By the Numbers: Findings of the Detainee Abuse and Accountability Project*,” April 2006, <http://hrw.org/reports/2006/ct0406/index.htm>.

⁸ Интервью Хьюман Райтс Вотч, дата и место не разглашаются.

РЕПАТРИАЦИЯ: НАРУШЕНИЕ ЗАПРЕТА ПЫТОК

Международно-правовой запрет пыток носит абсолютный характер. Их оправданием не может служить ни война, ни чрезвычайная ситуация, ни непосредственная угроза теракта.⁹ Данный запрет закреплен во многих международных декларациях и договорах,¹⁰ прежде всего – в Конвенции ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г.

В равной мере не допускает исключений и норма, запрещающая возвращать любых лиц в страну, где им могут угрожать пытки или жестокое обращение. Так, Конвенция ООН против пыток запрещает «возвращать ... какое-либо лицо другому государству, если существуют серьезные основания полагать, что ему может угрожать там применение пыток».¹¹ В США этот принцип подтвержден Законом о реформировании и реструктурировании международных отношений 1998 г., статья 1242 которого гласит: «Политика Соединенных Штатов заключается в том, чтобы не высылать, не выдавать или иным образом не вызывать недобровольного возвращения любого лица в страну, в отношении которой имеются существенные основания полагать, что этому лицу может угрожать опасность подвергнуться там пыткам, вне зависимости от физического присутствия или отсутствия этого лица на территории Соединенных Штатов».¹²

Администрация Буша-младшего не так давно безуспешно попыталась подкорректировать определение пытки, однако принцип невозвращения в чреватые пытками условия Белым домом прямо не оспаривается. Вместо этого администрация пытается искать обходные пути, запрашивая «дипломатические заверения» в гуманном обращении у правительств, известных своей практикой пыток.¹³

⁹ Конвенция ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г., вступила в силу 26 июня 1987 г., ратифицирована США 21 октября 1994 г.,

<http://www.un.org/russian/documen/convents/torture.htm>. Статья 2(2) гласит: «Никакие исключительные обстоятельства, какими бы они ни были, будь то состояние войны или угроза войны, внутренняя политическая нестабильность или любое другое чрезвычайное положение, не могут служить оправданием пыток».

¹⁰ Всеобщая декларация прав человека 1948 г., статья 5: «Никто не должен подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим его достоинство обращению и наказанию», <http://www.un.org/russian/documen/declarat/declhr.htm>. Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., вступил в силу 23 марта 1976 г., ратифицирован США 8 июня 1992 г., статья 7: «Никто не должен подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим его достоинство обращению и наказанию», <http://www.un.org/russian/documen/convents/pactpol.htm>.

¹¹ Статья 3(1).

¹² Foreign Affairs Reform and Restructuring Act of 1998, H.R. 1757, January 27, 1998, <http://usinfo.state.gov/usa/infousa/laws/majorlaw/hr1757.pdf>.

¹³ Правительство США утверждает, что в отношении узников Гуантанамо не обязано соблюдать положение о невозвращении по Конвенции ООН против пыток, поскольку база в Гуантанамо находится за пределами американской территории, однако Верховный суд США признал эту

Дипломатические заверения

В особенности после терактов в США 11 сентября 2001 г. и сами Соединенные Штаты, и другие государства стали все активнее использовать «дипломатические заверения» в гуманном обращении для передачи подозреваемых в терроризме в страны, где существует опасность применения пыток.

Дипломатические заверения могут носить различный характер. Иногда они представляют собой всего лишь устные обещания. В других случаях речь может идти о документах, которые могут подписываться официальными лицами обоих государств. Содержание заверений также может меняться, как в ситуации, когда к гарантиям неприменения пыток добавляются другие – например, справедливого суда. Иногда власти страны назначения ограничиваются подтверждением приверженности соблюдению внутреннего законодательства или международно-правовых обязательств в области прав человека.

К числу государств, передававших или пытавшихся передать подозреваемых под те или иные «заверения», принадлежат Австрия, Канада, Грузия, Германия, Нидерланды, Россия, Швеция, Турция, Великобритания и США. Подозреваемые передавались, в частности, в Китай, Египет, Иорданию, Марокко, Россию, Сирию, Турцию, Туркменистан, Узбекистан и Йемен – все эти страны известны широко документированной практикой пыток. Особую заинтересованность в использовании таких «заверений» проявляют США в связи с началом репатриации узников Гуантанамо.

Хьюман Райтс Вотч выступает против использования дипломатических заверений для передачи подозреваемых в страны, где они могут подвергнуться пыткам. Правительства-нарушители, как правило, не признают фактов пыток и отказываются расследовать заявления об их применении. В ситуации, когда то или иное правительство уже нарушает свои международно-правовые обязательства в области недопущения пыток, какие-либо дополнительные «заверения» с его стороны едва ли могут быть признаны заслуживающими доверия. Именно такая ситуация – применительно к России – и описывается в настоящем докладе.

Ничтожность дипломатических заверений не привлекает внимания отчасти потому, что ни одна из сторон не заинтересована в огласке нарушений. Страна назначения не признает наличия практики пыток и не собирается добавлять к этому признание в несоблюдении двусторонних заверений в гуманном обращении. Передающее правительство, со своей стороны, не заинтересовано в

позицию несостоятельной. При этом американские власти признали наличие *политики* невозвращения в условия, чреватые пытками, иностранцев и лиц без гражданства, содержащихся под стражей за пределами территории США. Ответы американской делегации на вопросы Комитета ООН против пыток - Responses by the U.S. Delegation to questions from the Committee (Oral presentation to the Committee), May 8, 2006, <http://www.usmission.ch/Press2006/U.S.PresentationtotheCAT.html>.

признании ничтожности полученных заверений, поскольку это будет означать нарушение международно-правовых обязательств.

На запрос Хьюман Райтс Вотч американская администрация сообщила следующее: «Правительство США неоднократно ясно заявляло, что учитывает озабоченности, связанные с гуманным обращением, при передаче лиц из Гуантанамо и не намерено передавать тех или иных лиц в страну при наличии преобладающей вероятности, что эти лица могут подвергнуться там пыткам. При необходимости снятия таких озабоченностей Соединенные Штаты запрашивают у принимающей стороны соответствующие заверения. Такая процедура применялась при передаче семерых граждан России».¹⁴

Некоторые передающие государства заключают со странами назначения договоренности о мониторинге в последующем режима обращения с передаваемыми лицами. Хьюман Райтс Вотч установлено, что такие договоренности не обеспечивают гарантий гуманного обращения.¹⁵ Более того, пытки по определению практикуются негласно и таким образом, который зачастую позволяет не оставлять следов (погружение в воду до грани остановки дыхания, сексуальные посягательства, психологическое давление). В некоторых странах физическое воздействие применяется с привлечением тюремного медперсонала, который должен обеспечить отсутствие явных следов. Сами задержанные зачастую боятся говорить кому-либо о пытках, опасаясь последствий для себя или своих близких.¹⁶

В отсутствие конфиденциальности отследить обращение с отдельно взятым задержанным практически невозможно. Когда проверяющие имеют доступ ко всем задержанным в том или ином учреждении и могут общаться с каждым наедине, задержанный имеет возможность сообщить о фактах нарушений, поскольку в такой ситуации вероятность выявления властями источника информации и, соответственно, репрессалий, невысока. При наблюдении за одним человеком или небольшой группой такая степень конфиденциальности не может быть обеспечена.

¹⁴ Эшли Дикс, Госдепартамент США, получено по электронной почте 26 февраля 2007 г. Запрос Хьюман Райтс Вотч американской администрации приводится в Приложении I. Аналогичный запрос в Генеральную прокуратуру России приводится в Приложении II. От российской стороны на момент сдачи доклада в печать ответа не последовало.

¹⁵ *Хьюман Райтс Вотч*. Дипломатические заверения о неприменении пыток. Вопросы и ответы (ноябрь 2006 г.), <http://www.hrw.org/russian/reports/2006/torture.html>; По-прежнему в опасности: дипломатические заверения не гарантируют от пыток (апрель 2005 г.), http://www.hrw.org/russian/reports/kirgiz_danger.html; 'Empty Promises: ' *Diplomatic Assurances No Safeguard Against Torture*, April 2004, <http://hrw.org/reports/2004/un0404/>.

¹⁶ Именно поэтому соответствующие органы ООН и другие органы по мониторингу ситуации с пытками настаивают на конфиденциальном общении с задержанными. В частности, в октябре 2006 г. спецдокладчик ООН по пыткам Манфред Новак отменил посещение России, поскольку российское правительство отказалось дать согласие на его конфиденциальное общение с пострадавшими от пыток. *Press Conference by the United Nations Representative on Torture Convention*, United Nations Department of Public Information, October 23, 2006, http://www.un.org/News/briefings/docs/2006/061023_Nowak.doc.htm.

В случае с Россией американские власти, как представляется, не предпринимали никаких попыток ни отследить обращение с репатриированными узниками Гуантанамо, ни протестовать против нарушений, хотя и были осведомлены о существующей в России негативной практике. В июле 2006 г. американские официальные лица заявили Хьюман Райтс Вотч, что никак не пытаются отслеживать обращение с бывшими узниками Гуантанамо в России.¹⁷

Сам по себе мониторинг обращения с репатриированными задержанными не может гарантировать защиты от пыток, однако это не означает, что американское правительство должно попросту игнорировать судьбу переданных России лиц, как это происходит до настоящего времени. Разумеется, любой протест против нарушений в отношении бывших узников Гуантанамо сделал бы американскую администрацию мишенью обвинений в лицемерии, однако отсутствие с ее стороны каких-либо расследований и протестов против недозволенного обращения с этими людьми приводит к тому, что российские власти до последнего времени могли пользоваться полной свободой рук в отношении семерых репатриантов. США с самого начала не должны были возвращать в Россию бывших задержанных из Гуантанамо, но раз уж так произошло, теперь администрация должна изменить свое отношение и не упускать возможности протестовать против недозволенного обращения с ними.

Риск подвергнуться в России пыткам и недозволенному обращению

На момент репатриации задержанных из Гуантанамо правительство США было хорошо осведомлено о наличии более чем достаточных доказательств того, что они могут подвергнуться в России пыткам. В докладе Госдепартамента о ситуации с правами человека по странам мира за 2003 г. (последнем на момент репатриации) о России, в частности, говорилось: «Имелись также заслуживающие доверия сообщения о том, что персонал правоохранительных органов часто прибегал к пыткам, насилию и другому жестокому или унижительному поведению, и часто подобное поведение оставалось безнаказанным».¹⁸ В июне 2002 г. Комитет ООН против пыток, контролирующий соблюдение государствами-участниками соответствующей конвенции, в своих заключительных замечаниях по третьему периодическому докладу России выразил глубокую обеспокоенность в связи с «многочисленными и систематическими утверждениями о широко распространенной практике пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания в отношении содержащихся под стражей лиц, применяемой сотрудниками

¹⁷ Интервью Хьюман Райтс Вотч. Москва, июль 2006 г.

¹⁸ U.S. State Department, Bureau of Democracy, Human Rights, and Labor, "Country Reports on Human Rights Practices – 2003: Russia," February 25, 2004, <http://www.state.gov/g/drl/rls/hrrpt/2003/27861.htm>.

правоприменительных органов, как правило, для получения признаний».¹⁹ 30 июня 2003 г. Европейский комитет по предупреждению пыток опубликовал доклад по итогам своего посещения России в декабре 2001 г., отметив «вызывающее тревогу число заявлений о физическом насилии» со стороны милиции.²⁰

Помимо правительственных и межправительственных источников, проблема широкого распространения в России пыток и недозволенного обращения в отношении подозреваемых по уголовным делам широко освещалась международными правозащитными организациями.²¹

Как отмечала Хьюман Райтс Вотч еще в 1999 г., пытки и недозволенное обращение с задержанными обычно имеют место во время ареста или в начальный период содержания под стражей и зачастую принимают форму побоев, причинения удушья или применения электрошока с целью принуждения к признанию или к даче изобличающих показаний на третьих лиц. При отдельных немногих громких делах, когда сотрудники милиции привлекались за такое обращение к уголовной ответственности, пытки в российской милиции обычно остаются безнаказанными. Органы прокуратуры всех уровней предпочитают игнорировать доказательства нарушений, в то время как суды, как правило, признают допустимыми полученные под давлением признания и выносят на их основе обвинительный приговор. Несмотря на огромный массив фактов, свидетельствующих о системном характере пыток, российское правительство и правоохранительные органы – за отдельными исключениями – не признают наличия проблемы как таковой и не принимают никаких мер по искоренению практики пыток и недозволенного обращения.²²

В российской правоохранительной системе до 11 сентября 2001 г. пытки широко применялись к задержанным-мусульманам, особенно к чеченцам, подозреваемым в «терроризме». В эпоху глобальной «войны с терроризмом» обращение с такими задержанными, как представляется, стало еще более жестким. В феврале 2006 г. российский правозащитный центр «Мемориал» отмечал: «Мы располагаем множеством свидетельств того, что сегодня в России под предлогом борьбы с «исламским экстремизмом» и «международным терроризмом» развернута широкомасштабная кампания преследований

¹⁹ Комитет ООН против пыток. 28-я сессия (29 апреля – 17 мая 2002 г.) Рассмотрение докладов, представленных государствами-участниками в соответствии со статьей 19 Конвенции. Выводы и рекомендации: Российская Федерация, CAT/C/CR/28/4, 6 июня 2002 г., <http://daccessdds.un.org/doc/UNDOC/GEN/G02/424/46/PDF/G0242446.pdf?OpenElement>

²⁰ European Committee for the Prevention of Torture, “Report to the Russian Government on the Visit to the Russian Federation carried out by the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment,” CPT/Inf (2003) 30, June 30, 2003, <http://www.cpt.coe.int/documents/rus/2003-30-inf-eng.pdf>.

²¹ Хьюман Райтс Вотч. Признание любой ценой: пытки в российской милиции (ноябрь 1999 г.), <http://www.hrw.org/russian/reports/russia/1999/torture/>; Amnesty International, *Torture in Russia: “This man-made Hell,”* April 1997, <http://web.amnesty.org/library/index/ENGEUR460041997>.

²² Хьюман Райтс Вотч. Признание любой ценой: пытки в российской милиции (ноябрь 1999 г.), <http://www.hrw.org/russian/reports/russia/1999/torture/>.

мусульман, исповедующих так называемые «нетрадиционные течения» в исламе».²³ По оценке ПЦ «Мемориал», пытки применялись в более чем 40% случаев, связанных с запрещенной в России международной исламистской организацией «Хизб-ут-Тахрир».²⁴

С учетом всего этого массива фактов практически невозможно предположить, что американские власти не осознавали риска пыток для репатрируемых узников Гуантанамо или что они недооценивали степень такого риска.

Двое из бывших узников заявили Хьюман Райтс Вотч, что американские следователи в Гуантанамо явно осознавали опасность пыток и недозволенного обращения в России. Более того, угроза репатриации использовалась как средство давления на допросы: «Американцы ... пугали нас возвращением в Россию, говорили, что в России нас пытать будут.²⁵ ... Они все твердили: ‘Вот отправим тебя в Россию, там тебя вздернут’, - и все такое»²⁶.

В интервью Reprieve Расул Кудаяев заявил:

Говорили: «Не будешь говорить правду – отправим тебя в Афганистан, а если после Афганистана от тебя еще что-то останется, тебя отправят в Россию, там тебя пытать будут, без пальцев останешься».²⁷

Все российские узники Гуантанамо, безусловно, и сами хорошо представляли, что их может ожидать в случае репатриации. До того как они оправились в Афганистан, большинство уже сталкивались с российскими правоохранительными органами, несколько человек подверглись серьезным нарушениям в обращении. Так, по словам матери Руслана Одижева, ее сын отправился в Афганистан отчасти из-за того, что в 2000 г. его долго пытали в ФСБ и он не рассчитывал, что сможет дальше жить в России, не опасаясь за свою жизнь и здоровье.²⁸ Айрат Вахитов утверждает, что его избивали, когда в 1999 г. он два месяца находился под стражей по подозрению в участии в незаконных вооруженных формированиях (официально обвинение так и не предъявлялось). После этого он решил уехать из страны: «Я знал, что в России у меня жизнь не получится».²⁹

Российские узники Гуантанамо и сами говорят, что неоднократно обращались к американским властям и делегатам Международного комитета Красного Креста

²³ ПЦ «Мемориал», Комитет «Гражданское содействие» (В.Пономарев, Е.Рябинина).

Фабрикация уголовных дел об «исламском экстремизме», февраль 2006 г., <http://www.memo.ru/hr/jbl/doc/3.htm>.

²⁴ Там же. На момент публикации этого доклада за членство в «Хизб-ут-Тахрир» было осуждено 46 человек.

²⁵ Интервью Хьюман Райтс Вотч с Айратом Вахитовым, по телефону, 7 сентября 2006 г.

²⁶ Интервью Хьюман Райтс Вотч с Равилем Гумаровым, дата и место не разглашаются.

²⁷ Reprieve, “Torture Interview Outline for Guantanamo Clients, Rasul Kudaev,” April 27, 2005 and October 2005, в досье Хьюман Райтс Вотч, цитируется с разрешения Reprieve.

²⁸ Интервью Хьюман Райтс Вотч с Ниной Одижевой. Нальчик, 24 июля 2006 г.

²⁹ Интервью Хьюман Райтс Вотч, по телефону, 7 сентября 2006 г.

на американской базе с просьбой не репатриировать их. Так, Айрат Вахитов заявил Хьюман Райтс Вотч: «Мы все просили не возвращать нас в Россию, потому что боялись пыток».³⁰

По словам Равиля Гумарова: «Мы просили отправить нас куда-то в третью страну, не хотели в Россию ехать. Красному Кресту тоже говорили, что хотим в третью страну, любую исламскую. И американцам тоже говорили, что не собираемся в Россию возвращаться». В ответ представители как американских властей, так и МККК давали понять, что решение зависит не от них: «Нам говорили: ‘Это все решается наверху, мы ничего не знаем’. ... Красный Крест сказал: ‘Ничего не может поделать’. У них руки были связаны».³¹

Шамиль Хажиев: «Мы все время просили Красный Крест, чтобы не отправляли нас в Россию. Американцев я просить не стал, потому что все равно смысла не было».³²

В начале октября 2005 г. с шестью из семерых российских узников³³ беседовала правозащитник Александра Зернова, работающая с британской НПО Reprieve. Она подтверждает, что все они заявили, что не хотели репатриироваться и говорили об этом американцам.³⁴

По словам российских узников Гуантанамо, в тюрьме на американской базе их посещали представители российского правительства, которые говорили о репатриации с полной уверенностью. Как утверждает Айрат Вахитов, в Гуантанамо с ним беседовал старший следователь Генеральной прокуратуры России Юрий Ткачев: «Мы тебя в любом случае в Россию вернем, там тебе еще похуже будет. Мы тебе еще покажем».³⁵ При этом Равиль Гумаров утверждает, что тот же Ткачев обещал ему некоторое послабление: «В Америке ты всю жизнь сидеть будешь, а у нас тебе пару-тройку лет дадут».³⁶

Айрат Вахитов рассказывает, как он до последнего пытался избежать репатриации:

Последний раз я Красный Крест просил прямо перед нашим возвращением на родину. Спрашивал: «А альтернатива какая-то есть?» - а они говорят, что нет, что лучше нам не говорить, что мы ехать не хотим... [28 февраля 2004 г., в день репатриации] я отказался ехать в аэропорт, а они [американцы] носилки притащили, чтобы меня вынести. Когда носилки увидел – согласился сам пойти.³⁷

³⁰ Там же.

³¹ Интервью Хьюман Райтс Вотч, дата и место не разглашаются.

³² Интервью Хьюман Райтс Вотч. Москва, 27 июля 2006 г.

³³ Руслан Одижев к этому моменту уже скрывался.

³⁴ Интервью Хьюман Райтс Вотч с А.Зерновой, по телефону, 5 сентября 2006 г.

³⁵ Интервью Хьюман Райтс Вотч, по телефону, 21 сентября 2006 г.

³⁶ Интервью Хьюман Райтс Вотч, дата и место не разглашаются.

³⁷ Интервью Хьюман Райтс Вотч, по телефону, 7 сентября 2006 г.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В РОССИЮ

1 марта 2004 г., сразу после приземления в Москве самолета с российскими узниками Гуантанамо, Госдепартамент США опубликовал краткое заявление, в котором, в частности, говорилось:

Соединенные Штаты передали семерых российских граждан, содержащихся под стражей в Гуантанамо, под контроль Правительства России, с тем чтобы им были предъявлены уголовные обвинения в связи с их террористической деятельностью во время вооруженного конфликта. Передача стала результатом переговоров между правительствами обеих стран на протяжении прошлого года, включая заверения в том, что при необходимости эти лица будут заключаться под стражу и в отношении них будет осуществляться расследование и уголовное преследование в соответствии с российским законодательством, а также что с ними будут обращаться гуманно, как предусмотрено законодательством России и ее обязательствами.³⁸

На вопрос, известно ли ему о полученных Соединенными Штатами дипломатических заверениях о том, что в России он не будет подвергаться недозволенному обращению, Равиль Гумаров заявил Хьюман Райтс Вотч следующее: «Я точно не знал, понял, что, наоборот, они дали гарантию, что нас в России посадят».³⁹

В тот же день 1 марта с таким же кратким заявлением выступила и российская Генеральная прокуратура, в котором отмечалось:

Семерым гражданам России, содержащимся на военной базе США в Гуантанамо и переданным российской стороне, предъявлено обвинение. ... Все эти люди были завербованы представителями радикальных исламских организаций и позднее переправлены в Афганистан, где воевали на стороне талибов.⁴⁰

По возвращении в Россию все семеро были заключены под стражу в пятигорском СИЗО по обвинениям в участии в преступном сообществе (статья 210-2 УК) и незаконном пересечении государственной границы (статья 322-2). Однако 22 июня 2004 г. они были освобождены за отсутствием доказательств.

³⁸ «Transfer of Russian Nationals From Guantanamo,” U.S. Department of State press statement, 2004/219, March 1, 2004, <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2004/30017.htm>, цит. по англ. тексту.

³⁹ Интервью Хьюман Райтс Вотч, дата и место не разглашаются.

⁴⁰ Информационное сообщение Генпрокуратуры России от 1 марта 2004 г. «Семерым гражданам России, содержащимся на военной базе США в Гуантанамо и переданным российской стороне, предъявлено обвинение», <http://www.genproc.gov.ru/ru/news/index.shtml?id=207>.

Как отмечала газета «Коммерсант», прокуратура не смогла представить доказательств того, что переданные из Гуантанамо лица действительно принимали участие в боевых действиях на территории Афганистана.⁴¹ Как заявил Хьюман Райтс Вотч Айрат Вахитов, за почти четыре месяца в предварительном заключении к нему только один раз приходил следователь, не проявлявший заметной настойчивости. По словам Вахитова, следователь сказал ему, что «у нас обязательства [перед американцами] держать вас».⁴² Равиль Гумаров отмечает, что российские должностные лица не скрывали, что содержание репатриированных узников Гуантанамо под стражей осуществляется исключительно в интересах американской стороны и что российский МИД ставит вопрос об их освобождении «в пику Вашингтону».⁴³

Как отмечалось выше, Хьюман Райтс Вотч не удалось выяснить реальное содержание договоренностей между американской и российской сторонами (письменных или устных), однако нами установлено, что в России бывшие узники Гуантанамо действительно подвергались недозволенному обращению.

⁴¹ «Коммерсант», 25 июня 2004 г.,

<http://www.kommersant.ru/doc.html?DocID=485408&IssueId=18324>.

⁴² Интервью Хьюман Райтс Вотч, по телефону, 21 сентября 2006 г.

⁴³ Интервью Хьюман Райтс Вотч, дата и место не разглашаются.

НАРУШЕНИЯ ПОСЛЕ РЕПАТРИАЦИИ

Нарушения со стороны российских властей в отношении бывших узников Гуантанамо можно подразделить на три группы: пытки, притеснения и необеспечение права на справедливый суд. Сами бывшие узники, их родственники, адвокаты и другие собеседники Хьюман Райтс Вотч отмечали, что отношение со стороны российских правоохранительных органов производит отчетливое впечатление желания устроить репатриированным «веселую жизнь» или «повесить» на них какое-либо преступление. После нескольких случаев общения с правоохранительной системой Айрат Вахитов рассказывал: «Мне много раз говорили, что после Гуантанамо уже не нужно доказывать, что я - террорист, что любого из нас можно отправить за решетку, потому что мы - террористы».⁴⁴

Наибольшие нарушения отмечались нашими собеседниками со стороны Федеральной службы безопасности и Управления МВД по борьбе с организованной преступностью.⁴⁵ Некоторые бывшие узники Гуантанамо также жаловались на нарушения со стороны следователей прокуратуры, которые вели их уголовные дела. Нередко допросы проводились совместно сотрудниками местных и региональных подразделений ФСБ и УБОП. В некоторых случаях избиения или задержания связаны с действиями сотрудников, не имевших вообще никаких знаков ведомственной принадлежности.

Случаи пыток, будучи сами по себе серьезным нарушением прав человека со стороны прежде всего российских властей, также свидетельствуют о том, что репатриация Соединенными Штатами семерых российских узников Гуантанамо была нарушением Конвенции ООН против пыток. Неоднократные притеснения со стороны правоохранительных органов в отношении всех семерых и необеспечение двоим права на справедливый суд относятся, в принципе, к нарушениям общего характера. Однако как первое, так и второе также очевидно преследовало цель обеспечить их содержание под стражей и, соответственно, подвергало их дополнительному риску пыток.

Пытки и жестокое обращение

Репатриированные узники Гуантанамо стали подвергаться недозволенному обращению с первых минут пребывания на российской территории. Айрат Вахитов рассказывает:

Когда мы оказались в России – не пытали, просто очень грубо обращались, избили при посадке в Шереметьево... В аэропорту за ноги тащили по полосе прямо по снегу, пинали ногами. Потом, в

⁴⁴ Интервью Хьюман Райтс Вотч, по телефону, 7 сентября 2006 г.

⁴⁵ УБОП, 6-й отдел.

самолете уже [при пересадке на рейс в Пятигорск], опять ногами били. Спрашивали, кто раненные: кто признавался – по ранам ногами получал.⁴⁶

В интервью Хьюман Райтс Вотч Равиль Гумаров не смог припомнить конкретных примеров недозволенного обращения, однако отмечал, что с ними пытались обращаться, как с террористами: заматывали мешком голову, связывали руки, в самолете клали лицом на пол.⁴⁷

Айрат Вахитов утверждает, что в пятигорском СИЗО его официально допрашивали только один раз: попросили сообщить хронологию его пребывания в Афганистане. пыткам он не подвергался, однако один раз, когда он совершал намаз, ему велели встать на колени и молиться Христу. Когда Вахитов отказался, несколько человек навалились на него и стали прожигать одежду сигаретами.⁴⁸ Другие говорили адвокату Александре Зерновой, что в пятигорском СИЗО «было очень спокойно» по сравнению с тем, что они пережили в Гуантанамо и что некоторые пережили впоследствии в России.⁴⁹

Расул Кудиев

История Расула Кудиева является наиболее убедительным случаем жестокого обращения с бывшими узниками Гуантанамо в местах содержания под стражей в России, поскольку имеются подтверждающие свидетельства очевидцев, фотографии и официальные медицинские документы.

Кудиев вернулся из Гуантанамо с серьезно подорванным здоровьем. По словам его матери, он страдал гепатитом, язвой желудка, последствиями полученного в Афганистане ранения в бедро (пуля так и не была извлечена), сильными головными болями, гипертонией и другими расстройствами. Вследствие всего этого Кудиев не мог нормально работать и передвигаться без костыля (в последнем случае он сильно хромотал).⁵⁰

13 октября 2005 г. несколько групп вооруженных людей напали на административные объекты в столице Кабардино-Балкарии Нальчике. Кудиев жил неподалеку от города в селе Хасанья с матерью и братом. В ходе октябрьских событий в Нальчике погибло около 150 человек, из которых, как сообщалось, по меньшей мере 94 принадлежали к нападавшим, 35 были

⁴⁶ Интервью Хьюман Райтс Вотч, по телефону, 7 сентября 2006 г.

⁴⁷ Интервью Хьюман Райтс Вотч, дата и место не разглашаются.

⁴⁸ Интервью Хьюман Райтс Вотч, по телефону, 7 сентября 2006 г.

⁴⁹ Интервью Хьюман Райтс Вотч с А.Зерновой, по телефону, 24 сентября 2006 г.

⁵⁰ Интервью Хьюман Райтс Вотч с Фатимат Текаевой. Нальчик, 2 ноября 2005 г., и Хасанья, 26 июля 2006 г.

сотрудниками милиции, 12 – мирными жителями.⁵¹ Мать утверждает, что в тот день Кудавев находился дома, как, впрочем, и в другие дни – из-за проблем со здоровьем. Через десять дней, 23 октября, Кудавев был задержан дома при проведении одной из многочисленных спецопераций, последовавших за нападением на город.

По словам матери, которая в момент ареста Кудавева находилась дома, к ним на БТРах, легковых автомашинах и грузовиках приехали около двух десятков человек в камуфляже и масках, вооруженных автоматами и снайперскими винтовками. Когда на Кудавева надевали наручники и вели по двору, его подталкивали прикладом и подгоняли пинками.⁵² В своем заявлении от 28 декабря 2005 г. в Европейский суд по правам человека мать утверждает, что обращала внимание подошедших на шум соседей, чтобы они могли засвидетельствовать, что сын в момент ареста мог передвигаться самостоятельно, поскольку боялась, что его могут избить до такой степени, что он не сможет ходить без посторонней помощи. На ее крики, как она говорит, сотрудник местного УБОП Р.Кяров заявил: «Мы его сейчас не бьем, все начнется в УБОПе».⁵³

Целый ряд фактов свидетельствует о том, что в первые дни после ареста Кудавев действительно подвергся жестоким побоям.

24 октября адвокату Ирине Комиссаровой удалось получить доступ к Кудавеву, который в тот момент содержался в УБОП:

Прибыв в 6-ой отдел, я увидела Кудавева Р.В., который сидел на стуле скорчившись, держась руками за живот, в правой стороне лица в области глаза была обширная ссадина и множество царапин. В кабинете, кроме следователя, находилось множество лиц (3-5 чел). Следователем Артёменко А., который в тот день работал с ним, мне был передан для ознакомления протокол допроса подозреваемого Кудавева Р.В. Прочитав протокол, я спросила Кудавева Р.В. дал ли он действительно эти показания, на что он изъявил желание побеседовать со мной наедине...

В беседе Кудавев Р.В. мне сказал, что его пытали, избивали после того, как привезли в 6-ой отдел. Показания изложенные в протоколе он не давал, их сочинили, они не соответствуют действительности.

Когда Кудавев Р.В. сказал об этом следователю, т.е., что он не будет подписывать протокол... что тут началось!!! Со всех сторон его обступили лица, находившиеся в кабинете, причем никто не представился, кто они, каждый высказывал в адрес Кудавева Р.В.

⁵¹ ПЦ «Мемориал», 17 октября 2006 г., «МВД: Нападавшие на столицу Кабардино-Балкарии связаны с иностранными спецслужбами», <http://www.kavkaz.memo.ru/newstext/news/id/1082860.html>.

⁵² Интервью Хьюман Райтс Вотч с Ф.Текаевой. Нальчик, 2 ноября 2005 г.

⁵³ Заявление Ф.Текаевой, в досье Хьюман Райтс Вотч.

угрозы. В конце концов, он не выдержал и сказал, что подпишет протокол, поскольку боится, что его, после моего ухода, снова будут избивать. Мне же, кем-то из присутствующих было заявлено что: «Вы свободны, мы больше в ваших услугах не нуждаемся».

Высказанное Кудаем Р.В. опасение, что его вновь будут избивать, я восприняла реально...⁵⁴

25 октября Кудав был доставлен в городской суд Нальчика, который санкционировал содержание под стражей по подозрению в терроризме, участии в незаконном вооруженном формировании, покушении на жизнь сотрудника правоохранительных органов и убийстве.⁵⁵ После суда Кудав перевели в СИЗО, где, как представляется, снова избили.⁵⁶ Адвокат Ирина Комиссарова встретила с подзащитным на следующий день:

Мне его почти принесли, поскольку без посторонней помощи он передвигаться не мог. В беседе со мной, он мне сообщил, что к нему было применено физическое насилие. То есть его избивали, когда доставили в здание УБОП 23.10.05 г., так же жестоко был избит непосредственно при поступлении в СИЗО 25.10.05 г. били его в область пояса и по пяткам... Визуально: Кудав Р.В. не мог выпрямиться из-за болей, волочилась нога, на которую он не мог наступать, на лице имелись ссадины.⁵⁷

Дополнительные сведения о состоянии Кудав Ирина Комиссарова сообщила местному журналисту:

Когда я пришла в СИЗО поговорить с Расулом, мне его двое принесли, потому что сам он ходить не мог. Голову держать не мог. На правой стороне лица у него был большой синяк, глаз кровью заплыл, голова у него была странной формы и размера, правая нога сломана, на руках открытые раны.⁵⁸

⁵⁴ Заявление адвоката Кабардино-Балкарской коллегии адвокатов Комиссаровой И.Ф. в Президиум коллегии адвокатов КБР, совет палаты адвокатов КБР, уполномоченному по правам человека в РФ В.Лукину, прокурору КБР от 3 ноября 2005 г., в досье Хьюман Райтс Вотч.

⁵⁵ Решение Нальчикского горсуда от 25 октября 2005 г., в досье Хьюман Райтс Вотч. На момент подготовки настоящего доклада Кудаву так и не было предъявлено официальное обвинение.

⁵⁶ Заявление адвоката Кабардино-Балкарской коллегии адвокатов Комиссаровой И.Ф. в Президиум коллегии адвокатов КБР, совет палаты адвокатов КБР, уполномоченному по правам человека в РФ В.Лукину, прокурору КБР от 3 ноября 2005 г., в досье Хьюман Райтс Вотч.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Luisa Orazayeva, SUSPECT VANISHES FROM KABARDINO-BALKARIA JAIL, February 02, 2006, <http://kavkazweb.net/english/viewtopic.php?t=894&sid=5871651713d07309329d3463c141adba> (цит. по англ. тексту).

27 октября Ирина Комиссарова подала официальное ходатайство о назначении медицинского освидетельствования Кудаяева. Впоследствии ее подзащитный сообщил, что на следующий день, 28 октября, он был избит.⁵⁹

9 ноября, несмотря на ее протесты, Ирина Комиссарова была допрошена в качестве свидетеля по делу ее подзащитного. На следующий день прокуратурой было вынесено постановление об отстранении ее от дела, поскольку она проходит по нему как свидетель.⁶⁰

Кудаяеву также было отказано в получении необходимых медикаментов, что могло послужить дополнительным фактором ухудшения его состояния. Несмотря на ежедневные просьбы матери, передачу с медикаментами приняли в СИЗО только через восемь дней после ареста, в то время как, по словам матери, принимать их требовалось ежедневно.⁶¹

В ноябре 2005 г. в интернете появились фотографии нескольких человек, задержанных после октябрьских событий в Нальчике, в том числе снимки Кудаяева. У всех лица были распухшими, в синяках и ссадинах. За исключением фотографии Кудаяева, на всех снимках внизу присутствовал номер, из чего можно было заключить, что фотографии происходят из источников, связанных со следствием.⁶²

Фотография Кудаяева сходна с другими по качеству и по фону. Официально подтвердить ее подлинность не представляется возможным, однако значительный массив других доказательств недозволенного обращения с Кудаяевым позволяет предположить, что снимок настоящий.

⁵⁹ Хронология событий, связанных с арестом Расула Кудаяева, п. 14.23. Из документов, поданных в связи с обращением в Европейский суд по правам человека, в досье Хьюман Райтс Вотч.

⁶⁰ Постановление от 10 ноября 2005 г., подписано Е.А.Котляровым, Главное управление Генеральной прокуратуры Российской Федерации в Южном федеральном округе, в досье Хьюман Райтс Вотч. Комиссарова была приглашена в прокуратуру для обсуждения заявления о недозволенном обращении с ее подзащитным, после чего ее тут же отстранили от дела, под предлогом того, что с нее были взяты свидетельские показания. Интервью Хьюман Райтс Вотч с И.Комиссаровой. Нальчик, 25 июля 2006 г. Подобное отстранение от дела «слишком активных» адвокатов периодически практикуется в российской системе уголовной юстиции.

⁶¹ Интервью Хьюман Райтс Вотч с Ф.Текаевой. Нальчик, 2 ноября 2005 г.

⁶² Полностью фотографии опубликованы на: <http://www.islamcom.ru/material.php?id=227>

© 2006 RFERL

© 2006 RFERL

Фотографии Расула Кудаяева до и после задержания.

В местной и общенациональной прессе, находящейся, как правило, под контролем властей, фотографии широко не публиковались, однако в интернете они распространились быстро и способствовали нарастанию протестов в регионе. В результате в первых числах декабря 2005 г. СИЗО в Нальчике, где содержались Кудаяев и другие, посетили президент Кабардино-Балкарии Арсен Каноков и полномочный представитель Президента России в Южном федеральном округе Дмитрий Козак. Как сообщалось, оба были возмущены увиденным и приказали предоставить доступ в СИЗО для журналистов. В письме матери Кудаяев рассказал о своей беседе с Козаком и Каноковым, отметив, что у последнего «от злости на шее вздулись вены... Каноков отсюда

ушел очень злым».⁶³ 8 декабря в СИЗО действительно допустили журналистов, но только центрального российского телеканала. Кудоев получил возможность выступить перед камерой. Представляется, однако, что в отношении должностных лиц, причастных к недозволенному обращению с Кудоевым и другими задержанными, никаких мер принято не было.

Помимо заявления отстраненного от дела адвоката и фотографий, о недозволенном обращении с Кудоевым после ареста свидетельствуют также медицинские документы. Родственники задержанных, подвергающихся побоям и пыткам, зачастую испытывают трудности с получением таких документов, поскольку власти по понятным причинам не заинтересованы в допуске независимых специалистов в места содержания под стражей.

Часть документов, предположительно отражающих состояние Кудоева, пока не предоставлены родственникам и адвокатам, однако имеется справка с подстанции скорой помощи в Нальчике, датированная 1 ноября 2005 г. и подписанная главврачом Х.Х.Шерибовым. Из нее следует, что вызов к пациенту Кудоеву был принят 23 октября 2005 г. в 23.20, хотя неясно, кто именно вызвал «скорую» и по какому адресу (к тому времени Кудоев уже находился в УБОП). В справке говорится, у Кудоева были зафиксированы «психомоторное возбуждение, артериальная гипертензия и множественные гематомы».⁶⁴

Местная прокуратура отказала адвокату Кудоева в удовлетворении ходатайства о возбуждении уголовного дела по факту недозволенного обращения, 6 июля 2006 г. это решение было подтверждено городским судом Нальчика. Однако, к удивлению родственников Кудоева и местных правозащитников, 25 августа 2006 г. решение городского суда было отменено Верховным судом КБР, вернувшим дело на новое рассмотрение.⁶⁵ На момент подготовки настоящего доклада дело находилось в городском суде Нальчика.

По фактам пыток Расул Кудоев подал жалобу в Европейский суд по правам человека.

Тимур Ишмуратов

Тимур Ишмуратов также подвергся избиениям в ФСБ и УБОП. Он вспоминает, как накануне освобождения бывших узников Гуантанамо из пятигорского СИЗО с ними встречался высокопоставленный сотрудник ФСБ, который заявил: «У российского правительства нет к вам никаких претензий... Будете жить по

⁶³ ПЦ «Мемориал», 20 января 2006 г., «Расула Кудоева, арестованного в Кабардино-Балкарии, в пятигорской тюрьме не оказалось», <http://www.kavkaz.memo.ru/newstext/news/id/922021.html>.

⁶⁴ В досье Хьюман Райтс Вотч.

⁶⁵ Решение ВС КБР от 25 августа 2006 г., за подписью судьи А.Х.Бозиева.

закону – никто вас не тронет». «Он ссылался на руководство страны, и я поверил», - говорит Ишмуратов.⁶⁶

Как показали дальнейшие события, Ишмуратов ошибся.

На рассвете 8 января 2005 г. в Бугульме (Татарстан) на муниципальном газопроводе произошел взрыв. Ишмуратов с женой жили в небольшом городке недалеко от Бугульмы. При взрыве никто не пострадал. После нескольких месяцев вызовов на все более агрессивные допросы и притеснений, которые рассматриваются ниже, Ишмуратова 1 апреля 2005 г. забрали из бугульминской мечети, где он работал охранником. Первые дни содержания под стражей Ишмуратов описывает в 4-страничном заявлении от 13 апреля, которое ему позднее удалось переправить из ИВС Альметьевского ГРОВД. В заявлении говорится, что сначала он отказывался сознаваться в подрыве газопровода, однако 5 апреля, когда его впервые доставили в ФСБ, характер допросов изменился:

5 апреля 2005 г. примерно в 15 часов сотрудники УБОП доставили меня в помещение Бугульминского отдела УФСБ... Меня завели в комнату для посетителей, где двое сотрудников УБОП, их зовут Фарид и Дамир, заставили меня раздеться. Я остался в одном трико, окно было открыто и было очень холодно. Затем они начали избивать меня, били руками по голове и лицу, валили на пол и наносили удары ногами. При этом присутствовали Кузьмин Н.А. [как представляется, начальник Бугульминского ГРОВД - в заявлении не ясно] и Енгальчев Р.Р. [начальник Бугульминского отдела УФСБ по РТ]. Кузьмин Н.А. также нанес мне несколько ударов. Они требовали от меня, чтобы я дал показания о моей причастности к взрыву газопровода. При этом они угрожали, что привлекут к ответственности мою мать и беременную жену. Также они принесли экземпляр Корана и при мне бросали его, стряхивали на него пепел сигарет, что оказывало сильное давление на мои религиозные чувства. Кузьмин Н.А. говорил, что они уже «поработали» с Валиевым И. и моим братом Хамидуллиным Рустамом и они дали нужные им показания. Он сказал: «Твой брат выдержал 2-е суток, а сколько выдержишь ты?» Примерно в 23 часа я согласился дать нужные им показания. Я согласился дать их, не выдержав физического и психологического давления, а также боясь за свою жену и будущего ребенка... Затем они предупредили меня, чтобы я на всех допросах придерживался этих показаний, иначе они будут снова меня бить...⁶⁷

В интервью Хьюман Райтс Вотч его мать рассказывала, как его в наручниках под конвоем привозили в роддом к только что родившей жене, чтобы заставить

⁶⁶ Пресс-конференция Ишмуратова, Гумарова и Шайхутдинова в РИА «Новости». Москва, 14 октября 2005 г., <http://www.rian.ru/pressclub/20051014/41748032.html> (цит. по англ. тексту)

⁶⁷ В досье Хьюман Райтс Вотч.

родственников не нанимать адвоката для ведения дела о недозволенном обращении.⁶⁸ По словам адвоката Ишмуратова, его подзащитный знал о задержании брата, и это создавало дополнительное психологическое давление.⁶⁹ (Брат Ишмуратова – Рустам Хамидуллин сообщил Хьюман Райтс Вотч, что был задержан татарстанским УБОП на квартире его тетки в Нефтеюганске 31 марта 2005 г. После этого его несколько суток продержали в местном УВД и избивали, приковывая наручниками к батарее, чтобы принудить его к признанию в том, что он был свидетелем приготовления к преступлению. Затем на поезде его отвезли в Татарстан. По словам Хамидуллина, его везли в обычном пассажирском купе и в течение двух суток следования поезда били, в том числе по голове.⁷⁰)

На суде в 2005 г. и на повторном процессе в 2006 г. Ишмуратов отказался от своих признательных показаний.

В своем заявлении от 13 апреля Ишмуратов просит возбудить против мучителей уголовное дело, заканчивая словами: «Прошу Вас помочь мне избавиться от пыток и добиться справедливости. Я бывший заключенный американского лагеря на о-ве Гуантанамо, где я испытывал издевательства американских военных, а сейчас со мной обращаются еще хуже сотрудники спецслужб и правоохранительных органов России».⁷¹ Никакого расследования по его заявлению так и не было проведено. В итоге Ишмуратов был приговорен к 11 годам и одному месяцу лишения свободы, в том числе на основании признательных показаний, полученных, как он говорит, с помощью побоев и угроз.

Равиль Гумаров

Равиль Гумаров был задержан 1 апреля 2005 г. по подозрению в причастности к тому же взрыву газопровода в Бугульме, что и Ишмуратов. По его словам, он дал признательные показания в результате пыток, которым его подвергали сотрудники ФСБ и УБОП. На суде он отказался от показаний. Впоследствии Гумаров был осужден на 13 лет лишения свободы.

В конце января 2005 г. Гумарова вызвал зам. начальника УБОП в Набережных Челнах Рустам Гарифуллин на предмет выяснения его причастности к взрыву, однако в тот раз Гумарова не арестовали. 1 апреля 2005 г. тот же Гарифуллин забрал Гумарова на квартире у матери, якобы для выяснения некоторых обстоятельств. Мать увидела сына только через несколько месяцев – уже на суде.⁷²

⁶⁸ Интервью Хьюман Райтс Вотч с Зоей Ишмуратовой. Бугульма, 5 ноября 2005 г.

⁶⁹ Интервью Хьюман Райтс Вотч с Ф.И.Байбиковым. Казань, 2 августа 2006 г.

⁷⁰ Интервью Хьюман Райтс Вотч. Бугульма, 6 июня 2006 г.

⁷¹ В досье Хьюман Райтс Вотч.

⁷² Интервью Хьюман Райтс Вотч с С.Гумаровой. Набережные Челны, 3 августа 2006 г.

По словам Гумарова, после ареста в Набережных Челнах ему семь или восемь суток не давали спать. Его держали в тесной клетке (примерно метр на полметра), где днем, когда шли допросы, можно было присесть на крошечную скамейку. По ночам его пристегивали за руку наручниками к прутьям над головой. Раз за разом от Гумарова требовали сознаться во взрыве газопровода. Примерно через 7-10 дней его перевели в помещение в административном здании бугульминского ФСБ. Там к нему применили распространенную в российской правоохранительной системе пытку «слоник», когда задержанному на голову надевается противогаз, у которого потом периодически перекрывают шланг.⁷³

В интервью Хьюман Райтс Вотч Гумаров также заявил, что следователи выдергивали у него из бороды волосы, а однажды влили ему в горло целую бутылку водки – исключительно оскорбительная форма обращения для непьющего мусульманина: «Я семь лет капли в рот не брал, а в меня влили бутылку, и я отключился».⁷⁴ На пресс-конференции в Москве Гумаров также рассказывал, что в какой-то момент, когда его били по спине, требуя сознаться, он сказал: «Что вы делаете, это же 37-й год!». ⁷⁵ На это ему ответили: «В 37-м тебя бы уже давно расстреляли». Гумаров жаловался матери, что его поили особым чаем, чтобы получить подпись под показаниями. В итоге он подписал признание. В письме, переправленном матери из бугульминского СИЗО, он пишет:

Мама не верте «органам», что бы они про меня не говорили, знайте, что я невыдержал, сдали нервы, не хватило терпения и я оговорил сам себя, а самое страшное, что еще и других. У каждого человека есть предел терпения, многие рано или поздно ломаются, меня тоже сломали. И видимо мне суждено сидеть, за то, что я не делал.⁷⁶

Притеснения и произвольные задержания

В ситуации возвращения на родину семерых бывших узников Гуантанамо вполне логично было ожидать, что российские правоохранительные органы будут отслеживать поведение этих лиц после репатриации на предмет возможной подозрительной активности. Такая задача могла бы быть решена с помощью наблюдения в той или иной форме при одновременном соблюдении прав и свобод. На деле все оказалось иначе.

⁷³ Интервью Хьюман Райтс Вотч, место и дата не разглашаются; Пресс-конференция Ишмуратова, Гумарова и Шайхутдинова в РИА «Новости». Москва, 14 октября 2005 г., <http://www.rian.ru/pressclub/20051014/41748032.html>.

⁷⁴ Интервью Хьюман Райтс Вотч, место и дата не разглашаются.

⁷⁵ Пресс-конференция Ишмуратова, Гумарова и Шайхутдинова в РИА «Новости». Москва, 14 октября 2005 г., <http://www.rian.ru/pressclub/20051014/41748032.html> (цит. по англ. тексту).

⁷⁶ Копия письма получена Хьюман Райтс Вотч при интервью с С.Гумаровой в Набережных Челнах 3 августа 2006 г. Подлинность письма подтвердил и сам Гумаров в интервью Хьюман Райтс Вотч.

Бывшие узники Гуантанамо и их родственники неизменно жаловались на постоянные вызовы в ФСБ, УБОП и другие правоохранительные органы, а также на слежку и угрозы со стороны этих структур. Некоторые члены семей сообщали Хьюман Райтс Вотч о несанкционированных обысках, что является нарушением как российского законодательства, так и международно-правовых норм. Иногда с обыском приходили настолько часто, что родственники были не в состоянии сообщить точные даты.

По словам Равиля Гумарова, с момента возвращения домой в Набережные Челны из пятигорского СИЗО ему звонили из ФСБ и УБОП по меньшей мере раз в неделю. В течение примерно месяца после возвращения его также нередко вызывали на беседу, а за его передвижениями было установлено наружное наблюдение.⁷⁷ Двое следователей из ФСБ и УБОП звонили настолько часто, что мать Гумарова узнавала их по голосу и знала номера их телефонов: «Равиля все время вызывали, что бы ни случилось... Где-то стрельба – его вызывают, кто-то кого-то убьет – опять вызывают».⁷⁸

После освобождения из пятигорского СИЗО в июне 2004 г. Руслан Одижев вернулся домой в Нальчик. Его мать говорит, что он сразу же стал подвергаться притеснениям: «Приходили все время, угрожали, вызывали его постоянно в управление: в первое, в шестое [УБОП] – это-то уж мы хорошо знаем – гестапо». Во время интервью она отодвинула занавеску в квартире и показала представителям Хьюман Райтс Вотч место, где обычно стояла машина наружного наблюдения ФСБ без номеров.⁷⁹

Другие бывшие российские узники Гуантанамо стали подвергаться притеснениям позднее. Как отмечал Тимур Ишмуратов, он поверил высокопоставленному сотруднику ФСБ, обещавшему задержанным накануне освобождения из пятигорского СИЗО, что законопослушные граждане могут жить без опаски: «Я поверил ему, вышел, попытался личную жизнь наладить, женился, пытался на работу устроиться».⁸⁰ Ишмуратов перебрался в городок Уруссу под Бугульмой, где была временная работа на стройках и в мечети. Однако в середине января 2005 г., примерно через неделю после взрыва на муниципальном газопроводе, его мать позвонила ему из Бугульмы и сообщила, что его разыскивают правоохранительные органы.

Ишмуратов сам поехал в Бугульму, рассчитывая, что сможет без труда доказать свою непричастность, однако был встречен большой группой сотрудников ФСБ и УБОП, которые допрашивали его в течение шести часов. К его удивлению, несмотря на несколько вопросов относительно его местонахождения 7-8 января (накануне и в момент взрыва), оперативники прежде всего интересовались Гуантанамо, исламом, контактами Ишмуратова с российскими должностными

⁷⁷ Интервью Хьюман Райтс Вотч, место и дата не разглашаются.

⁷⁸ Интервью Хьюман Райтс Вотч с С.Гумаровой. Набережные Челны, 3 августа 2006 г.

⁷⁹ Интервью Хьюман Райтс Вотч с Ниной Одижевой. Нальчик, 24 июля 2006 г.

⁸⁰ Пресс-конференция Ишмуратова, Гумарова и Шайхутдинова в РИА «Новости». Москва, 14 октября 2005 г., <http://www.rian.ru/pressclub/20051014/41748032.html> (цит. по англ. тексту).

лицами в пятигорском СИЗО и его кругом знакомств после возвращения домой. После этого его стали постоянно вызывать на допросы, иногда два-три раза в неделю. Раз за разом отношение оперативников, которое поначалу было достаточно уважительным, становилось все более агрессивным и грубым. Особенно Ишмуратова задевала нецензурная брань, поскольку к тому моменту он уже пять лет строго соблюдал соответствующие предписания ислама: «Я думал, что раз я невиновен – это должно прекратиться».⁸¹

Шамиль Хажиев после освобождения из пятигорского СИЗО вернулся в город Учалы в Башкортостане, где жила его семья. Правозащитник Александра Зернова, несколько раз встречавшаяся с ним, утверждает, что после возвращения Хажиева неоднократно допрашивали местные сотрудники ФСБ и УБОП, а в декабре 2004 г. он недолгое время содержался под стражей в Уфе по подозрению в участии в «Хизб-ут-Тахрир» (тогда он был освобожден без предъявления обвинения). В сентябре 2005 г. в поезде его допрашивали сотрудники самарского УБОП. Как отмечает Александра Зернова, с момента возвращения из Гуантанамо Хажиеву так и не удалось найти постоянную работу.⁸² В марте 2007 г. он уехал из России.

Айрат Вахитов утверждал, что постоянно подвергался притеснениям и недозволенному обращению со стороны милиции в течение почти двух после освобождения из пятигорского СИЗО: «Меня все время вызывали на допросы, говорили, что следят за мной, чтобы я не думал, что буду долго на свободе гулять». Вахитов постоянно менял место жительства, ночуя на разных квартирах: «В России я боюсь оставаться на одном месте».⁸³

В начале апреля 2005 г. знакомые из татарстанского УБОП предупредили Вахитова, что ему лучше исчезнуть: «Я несколько месяцев прятался по разным квартирам, уходя от хвоста, а хвост за мной был всегда».⁸⁴ В этот период Вахитову по мобильному телефону сообщили, что получено разрешение на выдачу ему заграничного паспорта. Когда он пришел в ОВИР в Казани: «Начальник паспортного стола позвонил оперативникам и стал время тянуть. Я понял, что меня собираются арестовать. На самом деле паспорт еще не был готов – меня купили. Стою в коридоре – увидел оперов и тихо смылся оттуда».⁸⁵

Вахитов перебрался в Москву, где встретился с Рустамом Ахмяровым. 27 августа 2005 г. на квартире Гейдара Джемаля⁸⁶ их обоих забрали неизвестные (Вахитов предполагает, что это были сотрудники УБОП). Перед тем как их вывели, Вахитов и Ахмяров успели позвонить знакомому журналисту, и вскоре новость об их задержании прошла в эфире независимой радиостанции «Эхо Москвы». Не исключено, что огласка в СМИ послужила причиной внезапного

⁸¹ Там же.

⁸² Письмо правозащитника Александры Зерновой на имя верховного комиссара ООН по правам человека Л.Арбур от 21 марта 2006 г.

⁸³ Интервью Хьюман Райтс Вотч, по телефону, 7 сентября 2006 г.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Председатель Исламского комитета России.

звонка двоим лицам, забравшим бывших узников Гуантанамо, которые в тот момент везли их на машине за город по пустынной дороге с лесопосадками по обеим сторонам. В интервью Хьюман Райтс Вотч Вахитов предположил, что звонивший передал новые инструкции: машина развернулась и пошла в сторону аэропорта Шереметьево, откуда обоих задержанных доставили в Казань и поместили в изолятор.

По словам Вахитова, в период содержания под стражей они не подвергались нарушениям в обращении, хотя один из работников прокуратуры Татарстана публично назвал их террористами, не подкрепив свое заявление доказательствами. В нарушение требований российского законодательства ни Вахитов, ни Ахмяров не присутствовали на судебном заседании, где решался вопрос о санкционировании их содержания под стражей.⁸⁷ 30 августа в их защиту выступила «Международная амнистия», в то время как Александра Зернова в Лондоне дала несколько интервью и звонила в Россию, протестуя против задержания. 2 сентября 2005 г. оба были освобождены в Набережных Челнах без предъявления обвинения.⁸⁸

Расул Кудаяев после освобождения из пятигорского СИЗО также подвергался притеснениям и угрозам со стороны сотрудников правоохранительных органов (как в форме, так и в штатском). Иногда к нему приходили на квартиру в селе Хасанья, в других случаях забирали для «беседы». Так, в июне 2005 г. ему угрожали арестом за уклонение от военной службы и подделку документов. 15 августа 2005 г. к нему домой пришли двое сотрудников в масках и двое – без, заявивших, что хотели бы побеседовать с ним о Руслане Одижеве – другом бывшем узнике Гуантанамо, который проживал неподалеку. Эти люди не представились и не предъявили никаких документов или постановлений, однако забрали Кудаяева в УБОП и там в течение нескольких часов допрашивали его.

«С того момента, когда он в четвертом году вернулся домой, когда его американцы передали из лагеря в Гуантанамо, на нас постоянно милиция давит, и органы тоже, все пытаются дело на него сфабриковать», - заявила в интервью Хьюман Райтс Вотч мать Кудаяева.⁸⁹

Помимо угроз, звонков, посещений и неоднократных задержаний для допроса со стороны правоохранительных органов, бывшие российские узники Гуантанамо сталкивались также с не столь явными, но не менее серьезными проблемами в связи с восстановлением документов, удостоверяющих личность. Без этого им было намного сложнее решать вопросы трудоустройства, жилья и медицинского обслуживания.

⁸⁷ Amnesty International, “Russian Federation: Further information on: Fear for safety/fear of torture or ill-treatment/disappearance,” AI Index: EUR 46/034/2005, September 2, 2005, <http://web.amnesty.org/library/index/engEUR460342005>.

⁸⁸ Интервью Хьюман Райтс Вотч, по телефону, с А.Вахитовым (7 сентября 2006 г.) и А.Зерновой (5 сентября 2006 г.) По мнению Вахитова, оба задержанных были освобождены благодаря международному давлению.

⁸⁹ Интервью Хьюман Райтс Вотч с Ф.Текаевой. Нальчик, 2 ноября 2005 г.

Особенно серьезные проблемы в связи с этим возникали у Расула Кудоева, который, по словам матери, страдал от последствий полученных в Афганистане тяжелых травм. Родственникам удалось договориться с больницей, чтобы там извлекли пулю, оставшуюся после ранения в бедро, но они не смогли получить необходимые для оформления личные документы. Мать Кудоева рассказывает Хьюман Райтс Вотч:

Факт тот, что мы полгода не могли получить копию его свидетельства о рождении! Каждый день по району мотались: здесь - три часа, там - три часа. А где я на это столько денег возьму? ... Не хотели документы давать... Сколько я нервов потратила, здоровья сколько, денег – один Аллах знает! Потом получили все-таки, после этого надо было паспорт получать, потом еще полис медицинский страховой, потому что в России без него не лечат. Только-только паспорт получили – через месяц события эти [нападение на Нальчик 13 октября, арест Кудоева]. Не успели мы просто вовремя все сделать к операции.⁹⁰

При всех сложностях, которые ожидают даже обычных граждан, сталкивающихся с российской бюрократической системой, такие сроки представляются нетипично длительными.

Руслану Одижеву также долгое время не удавалось получить внутренний паспорт, без которого он не мог рассчитывать на постоянную работу. По мнению его матери, выдаче документа местной милицией препятствовала ФСБ, поскольку только с помощью знакомого из этого ведомства Одижев все же получил паспорт весной 2005 г. Вскоре, однако, он стал скрываться, так и не устроившись на постоянную работу после возвращения из Гуантанамо.⁹¹

Равиль Гумаров испытывал трудности с устройством на работу, несмотря на то, что ему были восстановлены документы. «На нас как будто клеймо какое-то, - заявил он на московской пресс-конференции осенью 2005 г. – Мы вроде как из Гуантанамо, клеймо такое на тебе стоит, и никто на работу не возьмет, нигде устроиться невозможно».⁹² Впоследствии в интервью Хьюман Райтс Вотч он отмечал: «Даже друзья на работу не берут, потому что ФСБ боятся».⁹³

Уголовное преследование

Судебные процессы 2005 и 2006 гг. по обвинению Гумарова и Ишмуратова в причастности к взрыву газопровода в Бугульме изобиловали процессуальными нарушениями, вызывающими серьезные вопросы относительно обеспечения

⁹⁰ Интервью Хьюман Райтс Вотч с Ф.Текаевой 26 июля 2006 г.

⁹¹ Интервью Хьюман Райтс Вотч с Н.Одижевой 24 июля 2006 г.

⁹² Пресс-конференция Ишмуратова, Гумарова и Шайхутдинова в РИА «Новости». Москва, 14 октября 2005 г., <http://www.rian.ru/pressclub/20051014/41748032.html> (цит. по англ. тексту).

⁹³ Интервью Хьюман Райтс Вотч, место и дата не разглашаются.

права на справедливый суд. В частности, ни одному, ни другому, несмотря на соответствующие просьбы, не был предоставлен немедленный доступ к адвокату. По словам Ишмуратова, он требовал адвоката с 1 апреля, когда был задержан.⁹⁴

В сентябре 2005 г. коллегия присяжных в Верховном суде Татарстана единогласно оправдала Гумарова, Ишмуратова и проходившего с ними по одному делу Фаниса Шайхутдинова. Данное решение получило широкий резонанс в СМИ как первый в России случай вынесения оправдательного приговора по делу о терроризме. В октябре в Москве состоялась пресс-конференция с участием всех троих фигурантов.⁹⁵

17 января 2006 г. прокуратура добилась в Верховном суде России отмены приговора. Несмотря на существующий в российском законодательстве и международном праве принцип недопустимости повторного суда за одно и то же преступление, отмена вердикта присяжных не является в России исключительным событием. В интервью Хьюман Райтс Вотч прокурор Татарстана К.Амиров не согласился с тем, что в данном случае этот принцип был нарушен, поскольку первый вердикт был именно «отменен»: «Мы считаем, что присяжные недостаточно серьезно отнеслись к этому делу. Они не во всем разобрались..., они же простые люди».⁹⁶

Гумаров и Шайхутдинов попытались скрыться в Москве, где были арестованы на квартире Айрата Вахитова. Ишмуратов 27 января 2006 г. перебрался на Украину и попытался получить там политическое убежище. В этом ему было отказано, и 6 февраля 2006 г. он был депортирован в Россию.⁹⁷

Повторный процесс в Верховном суде РТ, также с участием присяжных, завершился 5 мая 2006 г. единогласным обвинительным вердиктом. Все трое были признаны виновными по статьям 205 (терроризм) и 222 (незаконное хранение оружия или взрывчатых веществ) УК РФ. 12 мая Гумаров был приговорен к 13 годам лишения свободы, Ишмуратов – к 11 годам и одному месяцу (Шайхутдинов получил 15 лет и 5 месяцев), с взысканием материального ущерба в размере примерно 50 тыс. рублей.

Адвокаты и родственники подсудимых выражали недоумение в связи с тем, что присяжные могли вынести диаметрально противоположные вердикты, и предполагают, что на вторую коллегия присяжных оказывалось давление. В июле 2006 г. защита обжаловала приговор в Верховном суде России, ходатайствовав о направлении дела на новое рассмотрение в связи с допущенными процессуальными нарушениями. Речь, в частности, шла о

⁹⁴ Пресс-конференция Ишмуратова, Гумарова и Шайхутдинова в РИА «Новости». Москва, 14 октября 2005 г., <http://www.rian.ru/pressclub/20051014/41748032.html>.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Интервью Хьюман Райтс Вотч. Казань, 19 июля 2006 г.

⁹⁷ Письмо правозащитника Александры Зерновой на имя верховного комиссара ООН по правам человека Л.Арбур от 21 марта 2006 г.

введении обвинением новых свидетелей, которых защита вопреки требованию российского законодательства не имела возможности допросить до суда. 29 ноября 2006 г. Верховный суд после получасового рассмотрения оставил приговор в силе, несколько сократив сроки наказания всем троим осужденным, хотя это не было предметом обращения защиты.⁹⁸

В июле 2006 г. представителями Хьюман Райтс Вотч в материалах другого уголовного дела было обнаружено подписанное признание в совершении взрыва газопровода в Бугульме. 5-страничные показания подписаны Вильсуром Хайруллиным, проходившим по делу о подготовке взрывов важнейших промышленных объектов в Татарстане в 2005 г. Из документа следует, что допрос проводился следователем по особо важным делам прокуратуры Татарстана В.А.Максимовым 7 июля 2005 г. с 10.00 до 13.00 часов. В своих показаниях Хайруллин утверждает, что спланировал и осуществил взрыв без сообщников.⁹⁹

На момент появления этого признания Гумаров и Ишмуратов находились под стражей в ожидании суда по делу о том же самом взрыве, однако прокуратура ничего не сообщила об этом их адвокатам. Следователь Максимов заявил *The Washington Post*, что Хайруллина возили на место преступления, однако в ходе следственного эксперимента тот не смог указать точное место взрыва, поэтому прокуратура и не посчитала необходимым сообщать о его признании адвокатам Гумарова, Ишмуратова и Шайхутдинова.¹⁰⁰

Принимая во внимание неблагоприятную ситуацию с пытками в российском уголовном судопроизводстве, нельзя исключать, что признание было написано Хайруллиным под диктовку следователей. Однако с точки зрения процессуальных норм такое потенциально оправдывающее обстоятельство должно было быть доведено до сведения защиты Гумарова, Ишмуратова и Шайхутдинова. Если же считать показания ложными, то возникает вопрос, с помощью каких методов они были получены.

Расул Кудаяев к моменту подготовки настоящего доклада уже больше года содержался под стражей в Нальчике без предъявления официального обвинения. Пытки, которым он подвергался в период содержания под стражей, подробно рассматривались выше. В дополнение к этому его право на адвоката было ограничено, когда первоначального защитника Ирину Комиссарову отстранили от дела.

⁹⁸ Ишмуратову срок наказания был сокращен до 8 лет, Гумарову – до 9, Шайхутдинову – до 10 лет и 6 месяцев. Представитель Хьюман Райтс Вотч присутствовал на заседании.

⁹⁹ Копия протокола допроса в досье Хьюман Райтс Вотч.

¹⁰⁰ Peter Finn, "From Guantanamo to a Russian Prison," *The Washington Post*, September 3, 2006.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мотивы, которыми руководствуется российское правительство в истории с бывшими узниками Гуантанамо, остаются неясными. Генеральная прокуратура, договаривавшаяся о репатриации с американской стороной, как представляется, обещала привлечь их к уголовной ответственности за терроризм. При этом попытки уголовного преследования всех семерых возвращенных лиц в России были, в лучшем случае, половинчатыми. По словам Гумарова и Вахитова, в пятигорском СИЗО их допрашивали только один раз и довольно поверхностно. Гумаров заявил, что следователь, казалось, пытался выяснить, не был ли он в действительности направлен в Афганистан российскими спецслужбами.¹⁰¹ При освобождении бывшим узникам Гуантанамо дали понять, что в этом было заинтересовано Министерство иностранных дел, чтобы «насолить» американцам. Однако на тот момент никто из них не сталкивался с какими-либо должностными лицами какого-либо ведомства, со стороны которых просматривалась бы реальная заинтересованность в уголовном преследовании. Более того, решение об освобождении таких «резонансных» задержанных, скорее всего, должно было приниматься на уровне более высоком, чем МИД. На момент освобождения из пятигорского СИЗО, как отмечал Гумаров, российские официальные лица демонстрировали доброжелательное отношение к бывшим узникам Гуантанамо: «Американцы хотели посадить вас, а мы выпускаем – вот какие мы добрые».¹⁰²

Пыткам, притеснениям и недозволенному обращению бывшие российские узники Гуантанамо подвергались со стороны должностных лиц местного уровня. При этом нет никаких указаний на то, что это делалось по прямому указанию федеральных властей. Данное обстоятельство, однако, не снимает с Москвы ответственности за судьбу семерых репатриированных. Обязательство не допускать пыток вытекает из участия Российской Федерации в соответствующей конвенции ООН 1984 г., а также из многих других ратифицированных Россией международных договоров и соглашений.

Это обязательство, однако, на деле не вытекает из ни к чему не обязывающей договоренности, наличие которой просматривается в заявлениях российской и американской сторон, опубликованных в день репатриации. Приводимые в настоящем докладе факты пыток и недозволенного обращения лишний раз подтверждают фундаментальную бесполезность таких «дипломатических заверений». Когда то или иное правительство не соблюдает основополагающее обещание не допускать пыток в отношении подозреваемых, нарушая собственные международно-правовые обязательства, двусторонние

¹⁰¹ Интервью Хьюман Райтс Вотч, место и дата не разглашаются. Ишмуратов в своем заявлении от 13 апреля 2005 г. и на московской пресс-конференции 14 октября 2005 г. также отмечал, что у него сложилось впечатление, что в Татарстане предполагали, что он мог быть завербован ФСБ России в пятигорском СИЗО.

¹⁰² Интервью Хьюман Райтс Вотч, место и дата не разглашаются.

договоренности сомнительной юридической силы не могут обеспечить задержанным никаких дополнительных гарантий защиты от пыток.

Упомянутые двусторонние договоренности не снимают обязательств и с репатрирующей стороны. После 11 сентября 2001 г. американская администрация отметилась несколькими порочными инициативами в области толкования международного права, включая нормы о запрете пыток. В частности, попытки Белого дома ревизовать Женевские конвенции вызвали настоящий вал критики в мировом сообществе. К сожалению, аналогичный подход в части «дипломатических заверений» не встретил столь мощного отпора, что в значительной степени объясняется их использованием и другими правительствами, в особенности западноевропейских государств и Канады. Соответственно, последних можно считать косвенно причастными к недобросовестному использованию дипломатических заверений, пример которого описывается в настоящем докладе.

Разумеется, прямая ответственность за страдания семерых бывших узников Гуантанамо ложится на российские власти. Однако и администрация США должна признать свою долю вины. В условиях широкого распространения пыток в российской правоохранительной системе едва ли можно всерьез предположить, что американцы могли отправить на родину семерых российских граждан с «клеймом Гуантанамо» и ожидать, что эти люди найдут в России более «теплый» прием, чем это имело место на самом деле.

* * *

Автором настоящего доклада является заместитель директора Хьюман Райтс Вотч Кэрл Богерт. В проведении исследований принимали участие Александр Петров, заместитель директора московского офиса; Аллисон Гилл, директор московского офиса; Юджин Соколофф, сотрудник Отделения по Европе и Центральной Азии. К публикации доклад готовили сотрудник Отдела публикаций Грейс Чои и сотрудник Отделения по Европе и Центральной Азии Ивона Зиелинска.

Редакция: Рейчел Денбер, зам. директора по Европе и Центральной Азии; при участии Джулии Холл, старшего научного сотрудника Отделения по Европе и ЦА; Дидерика Лохмана, старшего научного сотрудника программы по ВИЧ/СПИДу и правам человека; Джоан Маринер, директора программы по проблемам терроризма и борьбы с ним; Вероники Сзенте Голдстон, директора по правозащитной деятельности Отделения по Европе и Центральной Азии; Дайны ПоКемпнер, старшего юрисконсульта; Иана Горвина, консультанта по программам.

Неоценимую помощь в подготовке доклада оказали правозащитник из Лондона Александра Зернова и Елена Рябинина из российского Комитета «Гражданское содействие». Хьюман Райтс Вотч выражает признательность всем

пострадавшим, их родственникам, адвокатам и правозащитникам, не пожалевшим своего времени и сил, чтобы история бывших российских узников Гуантанамо стала достоянием гласности.

ПРИЛОЖЕНИЕ I. ПИСЬМО В АДМИНИСТРАЦИЮ США

Перевод с английского

27 сентября 2006 г.

Сэнди Ходжкинсон,
Госдепартамент США

Уважаемая госпожа Ходжкинсон!

Обращаюсь к Вам с просьбой предоставить информацию по семерым российским гражданам, которые были репатриированы в Россию из американского центра временного содержания на базе Гуантанамо, Куба, 28 февраля 2004 г.

В российских и американских СМИ приводятся довольно противоречивые сообщения об этом, поэтому я надеюсь уточнить фактическую сторону дела, обращаясь непосредственно к Вам. В настоящее время Хьюман Райтс Вотч готовит доклад об обращении с бывшими узниками Гуантанамо после их возвращения в Россию, и запрашиваемая информация будет иметь важное значение для полноты изложения событий.

Как Вам, возможно, известно, Хьюман Райтс Вотч является международной правозащитной организацией, работающей в более чем 70 странах мира. В интересах точности и авторитетности наших докладов мы стремимся получать информацию о нарушениях прав человека из самых различных источников, в том числе от правительств.

В частности, нас интересует следующее:

1. В заявлении Госдепартамента США от 1 марта 2004 г. говорится, что «передача стала результатом переговоров между правительствами обеих стран на протяжении прошлого года, включая заверения в том, что при необходимости эти лица будут заключаться под стражу и в отношении них будет осуществляться расследование и уголовное преследование в соответствии с российским законодательством, а также что с ними будут обращаться гуманно, как предусмотрено законодательством России и ее обязательствами». Каково было содержание этих заверений? В какой форме они были предоставлены: устно или письменно? Если письменно, то не могли бы Вы предоставить Хьюман Райтс Вотч копии соответствующих документов?
2. Бывшие узники, с которыми я разговаривала, утверждают, что доводили свои опасения в связи с возвращением в Россию как до американских должностных лиц, так и до Международного комитета Красного Креста.

- Последовала ли какая-либо официальная реакция администрации на эти озабоченности? Имело ли место соответствующее обращение со стороны МККК, и если да, то какова была реакция правительства США?
3. Предусматривался ли администрацией какой-либо механизм мониторинга обращения с репатриированными лицами в России после возвращения?
 4. В заявлении Генеральной прокуратуры России от 1 марта 2004 г. говорилось, что всем семерым предъявлено обвинение. Передавались ли американской стороной российской стороне следственные дела на задержанных, которые могли бы подкрепить подобные обвинения?
 5. Почему договоренность о передаче семерых задержанных не распространялась на гражданина России Равиля Мингазова? Предпринимаются ли российской стороной в настоящее время какие-либо шаги по обеспечению его освобождения из-под стражи в Гуантанамо?
 6. Уведомляла ли российская сторона заблаговременно американскую сторону о намерении освободить всех семерых репатриированных лиц 22 июня 2004 г.? Если нет, то как администрация узнала об их освобождении? Высказывались ли американской стороной какие-либо возражения против их освобождения (как до, так и после 22 июня 2004 г.)?

Заранее признательна Вам за содействие. Готова ответить на любые вопросы по тел. 212-216-1244.

Искренне Ваша

Кэрол Богерт,
заместитель директора
Хьюман Райтс Вотч

ПРИЛОЖЕНИЕ II. ПИСЬМО В ГЕНЕРАЛЬНУЮ ПРОКУРАТУРУ РОССИИ

Перевод с английского

1 февраля 2007 г.

Генеральному прокурору
Российской Федерации
Ю.Я. Чайке

Уважаемый Юрий Яковлевич!

Обращаюсь к Вам с просьбой предоставить информацию по семерым российским гражданам, которые были репатриированы в Россию из американского центра временного содержания на базе Гуантанамо, Куба, 1 марта 2004 г.

Возвращение этих лиц освещалось в СМИ, однако некоторые сообщения содержат противоречивые сведения. В связи с этим нам хотелось бы получить от Вас достоверную информацию.

Как Вам, возможно, известно, Хьюман Райтс Вотч является международной нейтральной неправительственной правозащитной организацией со штаб-квартирой в США и офисами в Лондоне, Женеве, Брюсселе, Москве и Ташкенте.

Мы неоднократно публиковали материалы о нарушениях прав человека в Гуантанамо и хотели бы дополнить их освещением ситуации с возвращением бывших узников в страну гражданской принадлежности. Аналогичный запрос мы адресуем и властям США.

В частности, нас интересует следующее:

- 1) В заявлении Генеральной прокуратуры России от 1 марта 2004 г. говорилось, что всем семерым предъявлено обвинение. По каким статьям предъявлялось обвинение, когда оно было снято и в связи с чем?
- 2) В том же заявлении говорится, что «все эти люди были завербованы представителями радикальных исламских организаций и позднее переправлены в Афганистан, где воевали на стороне талибов». Действительно ли Генпрокуратура по-прежнему считает, что в этом состоит существо дела? Какими доказательствами для этого утверждения располагала на тот момент российская сторона? Передавались ли американской стороной следственные дела на задержанных, которые могли бы подкрепить подобные обвинения? Попадали ли все семеро в

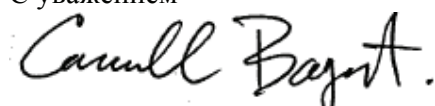
поле зрения российских правоохранительных органов до выезда из России в Афганистан?

- 3) В заявлении Госдепартамента США от 1 марта 2004 г. говорится, что «передача стала результатом переговоров между правительствами обеих стран на протяжении прошлого года, включая заверения в том, что при необходимости эти лица будут заключаться под стражу и в отношении них будет осуществляться расследование и уголовное преследование в соответствии с российским законодательством, а также что с ними будут обращаться гуманно, как предусмотрено законодательством России и ее обязательствами». Каково было содержание этих заверений? В какой форме они были предоставлены: устно или письменно? Если письменно, то не могли бы Вы предоставить Хьюман Райтс Вотч копии соответствующих документов?
- 4) Предоставлялась ли российской стороной американским властям в рамках упомянутых заверений какая-либо периодическая информация о ситуации с бывшими узниками Гуантанамо? Поступали ли от американской стороны в последующем какие-либо официальные запросы относительно судьбы этих лиц?
- 5) Почему договоренность о передаче семерых задержанных не распространялась на гражданина России Рауиля Мингазова? Предпринимаются ли российской стороной в настоящее время какие-либо шаги по обеспечению его освобождения из-под стражи в Гуантанамо?

Пользуясь случаем, хочу также попросить о встрече с Вами и/или сотрудниками Вашего ведомства для разговора в рамках затронутых выше тем в Москве в удобное для Вас время в период с 2 февраля по 2 марта.

Заранее признательна Вам за содействие. С любыми дополнительными вопросами можно обращаться в наш московский офис по тел. 737-8955.

С уважением

Кэрол Богерт, заместитель директора; Хьюман Райтс Вотч